

Вероника Вальдивия¹
Verónica Valdivia

Чили и пиночетизм. народная диктатура?
Chile and Pinochetism, a popular dictatorship?
Chile y el pinochetismo ¿una dictadura popular?

Аннотация: Данная статья посвящена анализу тезиса о народном характере чилийской диктатуры генерала Аугусто Пиночета, то есть пиночетизма. Эта диктатура боролась за легитимацию у элиты и средних классов, но главное, за признание со стороны бедных слоев населения. Эта особенность отличала пиночетистскую диктатуру от других подобных режимов Южного конуса Америки. Данная гипотеза народной диктатуры предполагает общественные признание и поддержку, которой искала диктатура Пиночета, что было связано с двумя факторами: с одной стороны, со стремлением генералов, офицеров и гражданских политиков, авторов переворота, добиться легитимации этого переворота и режима диктатуры, установленного в его результате, а с другой, с процессом персонализации политического процесса, выразившегося в появлении пиночетизма. Целью этого процесса была ресоциализация народных слоев, вовлекая их и делая сторонниками неолиберальной экономической системы и авторитаризма. С этой целью режим стал создавать институты и инструменты, которые позволили бы ему прийти к народным низам.

¹ Вероника Вальдивия – Университет Диего Порталеса, Чили; Verónica Valdivia – Universidad Diego Portales veronicavaldiviaoz@gmail.com

Ключевые слова: диктатура, пиночетизм, согласие, народ, ресоциализация, Чили, Пиночет

Abstract: This article probes into the “popular” dimension of the Chilean dictatorship headed by General Augusto Pinochet, also branded “pinochetista”, in its efforts to seek legitimacy among elite and middle-class groups, but especially among shantytown dwellers. In this it exhibited some peculiar traits, which set it apart from other dictatorships in Latin America’s Southern Cone. Its hypothesis suggests that the social support received by Chile’s dictatorship and “pinochetismo” was actively sought by its ruling circles, mainly on account of two factors: the urge of military officers and civilian backers to legitimize the coup d’état and the regime it set up, and the process of personalization that overtook it and eventually led to “pinochetismo”. Its aim was a re-socialization of the popular classes, turning them into adherents of its neoliberal authoritarian project. This venture implied the formation of state apparatuses capable of penetrating the popular world.

Keywords: Chile, dictatorship, Pinochet, “pinochetismo”, consensus, people, re-socialization

Resumen: Este artículo analiza el carácter popular de la dictadura chilena, liderada por el general Augusto Pinochet y denominada ‘pinochetista’, la cual luchó por legitimarse entre los grupos de elites y de capas medias, pero, especialmente, entre los pobladores de las barriadas pobres. Ello le otorgó particularidades, que la diferenciaron de las otras dictaduras del Cono Sur americano. La hipótesis sostiene que la adhesión social que suscitó la dictadura y el pinochetismo, fue buscado por sus cúpulas y ello se relacionó con dos factores: por una parte, el afán de los oficiales y los civiles golpistas de legitimar el golpe y la dictadura consiguiente y, por otra, con el proceso de personalización que la afectó y que derivó en el pinochetismo. Su objetivo fue la resocialización de los sectores populares, de modo de volverlos proclives al proyecto neoliberal autoritario. Tal afán implicó la creación de aparatos estatales capaces de llegar al mundo popular.

Palabras claves: dictadura, pinochetismo, consenso, pueblo, resocialización, Chile

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-28-1-186-206

Чилийская военная диктатура генерала Аугусто Пиночета была, без сомнения, особым периодом современной истории

страны, который по-прежнему трудно преодолеть и оставить в прошлом. Причиной тому не только репрессии и террор этого периода, глубокие структурные трансформации, изменившие чилийское общество, но и заметная социальная поддержка диктатуры. Среди диктатур нового типа, воцарившихся в Южной Америке в 70-е годы, пиночетовская предложила программу перемен, которые определили и период пост-диктатуры². Более того, социальная база ее поддержки сохранилась несмотря на прошедшие десятилетия.

Хотя чилийская диктатура так же, как и другие подобные режимы в регионе, имела репрессивную природу³, у нее были свои особенности. Некоторые режимы также разделяли с чилийской диктатурой идею полной перестройки экономики, общества, политики и культуры страны, полностью отвергая прежний этатистский проект, вместо которого предлагалась неолиберальная революция⁴. Чилийская диктатура смогла создать широкую социальную базу, включавшую в себя часть народных масс, которые считались историческими союзниками левых сил. Полная решимости искоренить марксизм, диктатура сделала ставку на привлечение к себе симпатий бедняков.

Данная статья посвящена усилиям диктатуры завоевать общественную поддержку, мобилизовать элиту, средние слои и бедняков на свою сторону. Гипотеза состоит в том, что социальная поддержка диктатуры Пиночета создавалась самой диктатурой, опиравшейся на попытки легитимировать военный переворот и провести персонализацию режима, который выразился в появлении пиночетизма. Цель состояла в ресоциализации народных слоев путем их убеждения в необходимости поддержки авторитарного неолиберального проекта. С этой целью были созданы специальные органы власти, работавшие только с низшими слоями населения.

Между легитимностью и пиночетизмом

² Las largas sombras de la dictadura, 2019; Democracia, hora cero, 2015.

³ Garretón, 1984.

⁴ Moulián, 1997; Larraín, Vergara, 2000; Donoso, , 2019.

Одной из задач военной хунты было выработать программу развития, которая позволила бы преодолеть экономическую отсталость страны, обеспечить её движение вперед, а в политической сфере легитимировать военный переворот, жестокий террор и репрессии, невиданные за всю историю страны. Переворот и репрессии застали врасплох левые партии своей жестокостью. У них не было средств для самозащиты, и в результате партии были разрушены, их члены арестованы или убиты, их пытали или выслали из страны⁵. Как утверждал генерал Густаво Ли, большинство чилийцев поддерживали желание хунты «окончательно уничтожить марксистскую раковую опухоль»⁶.

Это невиданное ранее насилие оказалось неприемлемым для международного имиджа страны, особенно после столь популярного в мире образа Альенде и идеи особого «чилийского пути к социализму»⁷. Бомбардировка Ла-Монеды, десятки укрывшихся в иностранных посольствах чилийцев, массовые обыски и аресты, стадионы, превращенные в лагеря заключенных, ставили под большое сомнение легитимность нового режима. Режим сразу же стал искать оправдание переворота. Уже 11 сентября таковое было найдено в формулировке обвинений правительства Народного единства «в нарушении свободы выражения, образования, права на забастовку, подачи петиций, права собственности, и в целом, права на достойную и безопасную жизнь»⁸.

Среди военных преобладало убеждение, что речь идет о легитимном вмешательстве армии с учетом гражданской поддержки и мобилизации оппозиции до переворота – демохристиане, Национальная партия, радикалы, предпринимательские союзы, профсоюзы мелких торговцев и мелких производителей. Ключевую часть антисоциалистической мобилизации составля-

⁵ Ahumada, 1989; Álvarez, 2003; Pinto, 2006.

⁶ Фильм Патрисио Гусмана *La batalla de Chile* (Francia/Cuba: 1974), Vol.II: El golpe de Estado.

⁷ Moulian, 1998; Winn, P. 35-58.

⁸ “Bando No.5, 11 de sept. de 1973”, 1974, primer año de la reconstrucción nacional, Editora Gabriela Mistral, 1974, p.10.

ли федерации студентов правых университетов, например, Гремалистское движение католического университета, Университета Федерико Санта Мария и другие студенческие организации, но также играло большую роль общее недовольство женщин, протестовавших против нехватки продуктов, против угрозы свободе образования. Женщины объединялись в организации «Женская власть» и «Гражданское движение Солнце». Эти группы открыто требовали военного переворота⁹. Чилийский вариант отличается от других военных переворотов на континенте в 60-е годы именно этой общественной поддержкой. В Аргентине переворот не встретил сопротивления, так как вооруженные акции революционных групп вызвали страх и беспокойство о своей безопасности, что привело к поддержке переворота. В Уругвае военные столкнулись с сопротивлением общества, но там парламент одобрил военное вмешательство в политику¹⁰.

В Чили широкая политизация общества была связана с виртуальным политическим равновесием между правительством и оппозицией, что показали парламентские выборы марта 1973 г., на которых правоцентристский союз (ХДП, Национальная и радикальная партии) получил 55% голосов, а Народное единство (UP) – 43%. Несмотря на победу, правым не хватало сил, чтобы сместить Альенде мирным путем, ибо по закону они могли это сделать, имея 66% голосов. После этого оппозиция использовала все свои человеческие и экономические ресурсы для подготовки переворота, призывая к гражданскому неповиновению и общественной мобилизации. После этих выборов вся оппозиция, включая ХДП, видела в перевороте единственный возможный выход. С 1972 г. и особенно явно с середины 1973 г. Конгресс стал оплотом оппозиции, стремясь делегитимировать правительство Альенде. К нему присоединилась и судебная власть, которая признавала незаконными многие акты правительства. В результате офицеры были убеждены, что 11 сентяб-

⁹ Varas, 2013; Valdivia, 2019. P. 349-370; Valdivia, 2008, caps. 1, 5, 6 y 7; Power, 2008; Campero, 1984.

¹⁰ Novaro, Palermo, 2003; Caviglia, , 2006; Demasi, 2009.

ря произошел не переворот, а вмешательство, требуемое всем обществом и посему законное.

Осуждение со стороны международных организаций нарушений прав человека в стране после переворота поставило власти в неожиданное для них положение. Министр иностранных дел Чили адмирал Исмаэль Уэрта в октябре 1973 г. попытался в ООН противостоять «злой, лживой и предвзятой кампании, извращающей факты и намерения»¹¹, но одно только его появление в зале привело к уходу почти всех присутствующих. Диктатура объясняла свержение социалистического правительства, защищаясь от «извращения событий 11 сентября организованной по всему миру международным марксизмом кампанией, не имеющей прецедентов в современной истории»¹². Это возмущение международной критикой касалось всего западного мира, ООН и даже папы Павла VI, всех тех, кого идеолог диктатуры Хайме Гусман назвал «разложившимся, продажным и трусливым миром, ... бесстыдно ведущим себя в лице международных органов, либеральных кругов США, ... не способным самим противостоять советскому коммунизму»¹³.

Несмотря на решительный отказ признать правоту обвинений международной общественности, режим понимал необходимость продемонстрировать законность переворота и диктатуры. Учитывая, что речь шла об антилевом вмешательстве военных, то ключевой проблемой были отношения с «народом». Военные отвергали обвинения оппозиции, что они являются вооруженной рукой олигархии и капиталистов, заявляя, что они представляют «народ» в своей целостности: «Вооруженные силы... повторяют, что их борьба направлена не против народа Чили, а как раз на защиту народа, который любит свободу. Мы защищаем абсолютное большинство народа, отвергающего марксизм»¹⁴. Легитимность режима должна была возникнуть не

¹¹ República de Chile, 1974. Primer año de la reconstrucción nacional, op. cit., P.15.

¹² Presentación, 1974, op. cit.

¹³ Heynowsky, Scheumann, Hellmich, 1975.

¹⁴ Bando No.6, 11 de sept. de 1973, 1974, op. cit.

только из способности провести экономические преобразования в Чили, но и из возможности продемонстрировать общественную поддержку, особенно в низших слоях народа.

Было необходимо организовать общественную поддержку диктатуры, чтобы противопоставить её критикам из оппозиции, утверждавшим, что режим держится на насилии. Сочетание насилия – согласия было характеристикой режима, который не отказывался ни от того, ни от другого. В последние годы исследования диктатур обращают внимание на существование пределов репрессий для обеспечения стабильности, так как недостаточно заставить подчиниться, нужно еще выработать стратегию завоевания согласия. Некоторые аналитики определяют общественное согласие как активную или пассивную поддержку политического режима, что выражается «в понятиях индивидуального поведения, в подчинении и готовности принимать решения политического класса»¹⁵. Другие авторы указывают, что нельзя рассматривать согласие как пассивное принятие и смирение населения в отношении диктатуры, так как таковым может считаться только явная поддержка и активное участие¹⁶. Как объясняет Кальво, согласие-консенсус никогда не бывает спонтанным, оно является исходящим от верхов через различные механизмы, такие как идеологические манипуляции, внедрение культурных моделей, создание условий для возникновения позитивных суждений о режиме. Существуют разные уровни консенсуса: от полного и активного принятия до принятия только некоторых аспектов и непринятия других, пассивного неприятия большей части черт режима. Мы считаем согласием с режимом открытое и четкое его принятие, то есть активное.

Формирование активно поддерживавших режим в определенной степени вступает в конфликт с широко распространенным тезисом, что диктатуры Южного конуса Латинской Америки в 70-е годы преследовали цель деполитизации и демобилизации латиноамериканских обществ, так как считается, что

¹⁵ A construação social dos regimes autoritários, 2010; Calvo, 1995. P. 141-143; Gellately, 2002.

¹⁶ Lvovich, 2006. P. 43.

они стремились уничтожить народные движения. В этом смысле репрессии и террор были инструментами изменения поведения и создания пассивного консенсуса. В случае Чили так и происходило, насилие заставило людей уйти в частную жизнь, закрыло рот протестующим, однако международная изоляция заставила режим задуматься над необходимостью демонстрации своей активной поддержки гражданами. Этому помог тот факт, что часть тех, кто был мобилизован в протесте против Народного единства, а среди выделялись правые политики, не состоящие в партиях, движения женщин, и особенно студенческие группы, как например, Гремалистское движение Католического университета, стремились по-прежнему активно участвовать в политическом процессе национальной реконструкции, как называло свою политику военное правительство. Эти группы стремились идти вместе с военной диктатурой, которая пока не определила своих целей. Они намекали Хунте о необходимости создания особых органов согласия с ней и ее поддержки.

Для реализации этой задачи чилийская диктатура стала создавать свои собственные политические организации, но они не должны были стать политическими партиями. Такими были созданные исполнительной властью уже в 1973 г. «Женский секретариат», «Молодежь», СЕМА-CHILE (союз матерей), которой руководила жена Пиночета. Их задачей было привлечь на свою сторону народные слои¹⁷.

Третьим фактором, повлиявшим на ресоциализацию, была персонификация режима, его пиночетизация. Одна из особенностей чилийской диктатуры состояла в том, что являясь институциональной, она ассоциировалась с командующим армией генералом Аугусто Пиночетом, почему её и называют «пиночетистской». Частью этого процесса было разделение функций президента хунты, то есть Пиночета, и Правительственной хунты, состоящей из четырех командующих родами войск и полиции. По настоянию Пиночета в июне 1974 г. Декрет-закон 527 назначил его «Верховным лидером нации», подчинив ему исполнительную власть и доверив принятие важнейших решений

¹⁷ Valdivia, 2013. P.547-583; Huneecus, 2000; Valdés, 1989.

во внешней и внутренней политике. Это положение было усилено последующим назначением его в декабре этого же года президентом республики. При этом Правящая хунта приняла на себя функции законодательной власти. Пиночет при этом вошел в Хунту в качестве командующего сухопутными силами.

Централизация власти была усилена контролем Пиночета над армией, усилиями по обеспечению лояльности офицеров, чего он добился, ликвидировав квалификационные комиссии и предоставив право повышения в звании начальникам. В результате лояльные Пиночету военные получали повышения по службе. С целью контролировать получение званий генерала Пиночет требовал от офицеров по достижении звания полковника написать заявление об отставке без даты, которое Пиночет мог использовать в любое нужное ему время. Такая политика определила уход в запас всех офицеров, которые участвовали в перевороте 1973 г., после чего в войсках стали преобладать офицеры, получившие повышение лично от Пиночета. Так армия стала чисто пиночетистской.

Этот процесс усилился с ростом власти полиции безопасности, которая вела борьбу с подрывной деятельностью – Управление национальной разведки (*Dirección de Inteligencia Nacional, DINA*), которая репрессировала не только сторонников Народного единства и левых партий, но и военных, несогласных с общей линией Пиночета. DINA напрямую подчинялась Пиночету. Она ответственна за пытки и убийства. Хотя формально DINA подчинялась Правящей хунте, на практике – Пиночету через генерала Мигеля Контрераса, начальника охраны. За это его стали критиковать другие члены Хунты в октябре 1974 г. Генерал Лутц тогда записал: «Господа, DINA – это я, закричал Пиночет и стукнул кулаком по столу».¹⁸

Одним из факторов, способствующих персонализации режима, была гражданская поддержка Пиночета. Переворот был поддержан, к нему призывали студенты и женщины из средних и высших слоев. Студенты объединялись в Гремалистском движении, созданном Хайме Гусманом, убежденным франки-

¹⁸ Lutz, 1999. Об организации DINA см. Seguel, 2020. P.767-796.

стом и сторонником авторитарного политического порядка, опирающегося на элиту, критический настроенным к партийной системе, сторонником цеховой по типу организации, защитником свободного рынка, то есть в конечном счете противником этатистской линии, господствовавшей в Чили в XX в. После переворота гремиалисты нашли себе союзников в лице технократов-неолибералов, известных как «чикагские мальчики», создав сектор гражданской поддержки нового проекта диктатуры. Было необходимо смягчить образ генерала Пиночета, который стал плакатным во всем мире: убрали темные очки, заменив их на контактные линзы, лишив жесткости его внешний вид. Главное же состояло в выработке этими молодыми гражданскими политиками проекта неолиберальной социально-экономической трансформации и создания новой институциональности, ограниченной и авторитарной демократии, превращавшей в фикцию принцип народного суверенитета. В соответствии с авторитарными, антипартийными? идеями Гусман считал срочно необходимым «сократить законодательные полномочия парламента», исключив обсуждение в нем идеологических вопросов и ограничив его работу практическими задачами¹⁹.

Хотя все члены хунты были сторонниками рыночной экономики, некоторые из них, как например, командующий ВВС, считали необходимым восстановить роль государства в экономике и проводить кейнсианский курс и даже соглашались с существованием профсоюзов, хотя и контролируемых властями²⁰. Неолиберальные технократы и гремиалисты Гусмана, а также правые националисты франкистского типа настаивали на преобразовании страны на новых принципах. Неолибералы хотели навязать свою радикальную версию свободного рынка. Гремиалисты выступали за «защищенную демократию», защищенную от антикапиталистической идеологии, а националисты выступали за функциональную демократию и синдикалистский

¹⁹ Que Pasa, 2 de enero de 1975, p.42.

²⁰ Valdivia, 2003.

строй²¹. Традиционные партии и старый предпринимательский класс требовали воссоздать протекционистское государство. Соответственно, для них для всех ключевую роль играла поддержка военной верхушки. Персонализация диктатуры была условием для «преобразования» страны. Гремалисты приступили к этому через Молодежный секретариат для реализации «пиночетизации» режима.

Этот процесс стал приобретать очертания после осуждения диктатуры ООН в 1974 г., что испортило празднование первой годовщины 11 сентября, к которому активно готовились гремалисты, чтобы ответить на «международное давление и клевету»²². Хотя генерал Ли был против, Пиночет решил обратиться к нации²³. Само это действие подчеркивало его роль лидера нации. Несколькими днями спустя секретарь организации «Молодежь» особо подчеркнул значение выступления Пиночета в качестве главы государства²⁴, а через год его уже называли «символом Чили и символом 11 сентября»²⁵. Подчеркивая признание обществом роли Пиночета, в рамках празднования перед Ла-Монедой был установлен «огонь свободы»²⁶. Пиночет стал олицетворением режима.

Этот процесс усилился по мере становления нового политического проекта, с принятием первого проекта новой конституции в 1978 г., осуществлением неолиберальных принципов в сфере социальных прав, что выразилось в приватизации соответствующих институтов: образование, здравоохранение, пенсии, трудовые отношения, городское хозяйство, – все это диктатура назвала «модернизацией» (1979). Победа авторитарного неолиберального проекта «чикагских мальчиков» и гремалистов предполагала его пиночетизацию, то есть прямую связь фигуры Пиночета с этими реформами. В 1978 г. произошли два

²¹ Valdivia, 2015. P. 256-271

²² El Mercurio, 17 de agosto de 1974, p.25.

²³ El Mercurio, 12 de septiembre de 1974, p.12.

²⁴ Boletín de la Secretaría de la Juventud (SNJ), No.9, 2ª. Quincena.

²⁵ El Mercurio, 12 de sept. de 1974, p.12

²⁶ El Cronista (diario oficial del gobierno), 10 de septiembre de 1975, p.1.

важных для пиночетизации события: проведение плебисцита в январе 1978 г. по неприятию страной нового осуждения режима в ООН. Бюллетень плебисцита предлагал проголосовать «За или Против» международной агрессии против Чили, причем вопрос был развернут: за или против поддержки президента Пиночета²⁷. Весь процесс неолиберальной авторитарной институционализации был напрямую связан с Пиночетом, и плебисцит упоминал не поддержку правительства, а лично Пиночета. В 1978 г. один из лидеров гремистов Игнасио Астете назвал свое движение пиночетистским и призвал к гражданской мобилизации в поддержку Пиночета²⁸. С 1978 г. в Чили уже существовала «пиночетистская диктатура».

Народная диктатура?

Народ, ассоциируемый с внутренним врагом, т.е. с марксизмом, подвергся тяжелым репрессиям, которые в первую очередь обрушились на левые партии, общественных деятелей, на народные районы и крестьянство. Удары военных и секретной службы DINA с особой силой были направлены против компартии, Левого революционного движения (МИР), социалистов и радикальных левых католиков. Кроме преследования политиков с первого же дня переворота военные и полиция систематически проводили репрессии в народных районах – обыски, избиения, убийства жителей, насилие над женщинами, расстрел на месте даже обычных уголовников под лозунгом «смерть всем антисоциальным преступникам»²⁹. В поселке Ла-Пинкойя, например, убили жителей, в том числе одного ребенка, не вникая в их политические пристрастия. Особенно жесткие обыски были в поселках, стихийно выросших вокруг столицы и руководимых коммунистами и миристами. В них жителей обвиняли в создании незаконных вооруженных формирований как основы будущей народной армии.

²⁷ Hoy, 28 de diciembre de 1977, p.11.

²⁸ El Mercurio, 10 de julio de 1978.

²⁹ El Mercurio, 16 sept. de 1973, p.16

В голове у военных существовало разделение на террористов, левых экстремистов и на простой народ, бедняков, которых обманули левые. С их точки зрения, подрывные действия коренились в бедности, которая способствовала росту влияния коммунистов, подстрекавших бедняков и бездомных совершать преступления против частной собственности, захватывая землю силой. Таким образом, разрыв с народом носит временный характер³⁰. К тому же бедность увеличилась с началом неолиберальных реформ и с сокращением государственных расходов. Безработица достигла 20%. С конца 1974 г. бедность обрушилась на все чилийское общество, что заставило правительство принять меры социальной помощи. Секретариат Молодежи и Женский секретариат были агентами властей в их социальной работе в поселениях и народных кварталах, они занимались социализацией людей в неолиберальном духе? и практике, при этом оказывая им реальную помощь.

Диктатура перестроила административный аппарат, создав «Управление гражданских организаций» при Генеральном секретариате правительства, который был в прямом подчинении у Пиночета. Задачей управления была работа в бедных районах. Оно состояло из женского отдела, молодежного и отдела народных поселений. Его задача состояла в ресоциализации народных секторов, то есть привитие им приемлемого для новых властей поведения и ориентации³¹. В 1980 г. Генеральный секретариат правительства объяснил: «Мы министерство доктрины, ... мы ищем сближения со всеми гражданами с целью развития новой системы ценностей»³². Задачей диктатуры была дискредитация всего предыдущего политического развития страны, демократического идеала, социальной и экономической роли государства, левых партий, восхваление свободного рынка и авторитаризма. По словам Пиночета: «Мы хотим разбить

³⁰ Valdivia, 2010. P.163-201

³¹ Gelonch, 2007. P.20-21

³² Ministerio del Interior Actas del 2º. Congreso de Alcaldes, 12-14 de marzo de 1980, p.36

марксизм в сознании чилийцев»³³. Он же говорил, что надо изменить ментальность чилийцев³⁴. В этом-то и состояла задача Секретариатов.

Женский секретариат руководился католичками, консерваторами и антикоммунистами из высших классов, ставивших своей целью социализацию бедняков в неолиберальном, авторитарном и антикоммунистическом духе. Секретариат создал добровольческий корпус в 10 тысяч человек (женщин?). В 1974 г. у него были офисы в центре и на юге страны, а к 1978 г. он присутствовал уже во всех регионах³⁵. Женщины рассматривались как носительницы традиционных духовных и национальных ценностей для передачи следующим поколениям, они могли помочь преодолеть последствия экономического кризиса, став проводниками неолиберальной экономической политики. Ведущая роль женщин, по словам главы секретариата Кармен Грес, определялась тем, что «80% зарплатных денег в Чили проходили через женские руки, женщины экономили на домашнем хозяйстве, улучшая в сумме положение семейного и национального бюджета»³⁶. Проправительственный экономист Рольф Людер объяснил женщинам, что домашнее хозяйство как экономическая единица должно управляться как любое другое предприятие, «добываясь максимальной выгоды от тех благ, которыми располагает, помня, что они ограничены»³⁷. В этом русле Секретариат проводил курсы «Воспитания потребителя», на которых объясняли, что покупать и где, как распределять ограниченные ресурсы, как готовить с небольшим бюджетом. Если в 1974 г. было проведено 280 таких курсов, то в 1979 г. уже 39590. На них же проводились антима르크систские занятия, чтобы выкорчевать все левое наследие в бедных слоях населения. Пиночет призывал организаторов курсов «довести до людей идеи правительства, которое ставит цель поднять страну,

³³ Discurso del 11 de octubre de 1973 en 1974, op. cit., p.44

³⁴ Declaración de Principios del Gobierno de Chile en 1974, p.155

³⁵ Secretaría Nacional de la Mujer Memoria 1977-1978, Santiago, 1978, p.2

³⁶ La Segunda, 19 de marzo de 1975.

³⁷ Qué Pasa, 21 de junio de 1974, p.14; Amiga, No.8, sept. 1976, p.17.

для чего мы должны быть едины»³⁸.

Молодежный секретариат управлялся гремиалистами. Их задача была двоякой: с одной стороны, обучить десятки активистов для внедрения антикоммунистических настроений и неолиберальных убеждений среди молодежи из самых бедных слоев, а с другой, подготовить будущих руководителей, в основном из высших слоев населения. Для активистов создавались специальные молодежные лагеря, где их обучали техникам лидерства и группового ведения, риторике и стилю общения, проводили идеологические занятия о новой политике и экономике, то есть о тех идеях, которые они должны были нести чилийской молодежи³⁹. На курсах «Гражданского воспитания» готовили будущих лидеров. На них объясняли смысл «кризиса западного мира» и Католической церкви, политику правительства, принципы неолиберализма и будущей новой институциональности. В этих лагерях и в Институте Диего Порталеса, руководимым Хайме Гусманом, «женщины, молодежь, трудящиеся должны были познать самые чистые принципы чилийца, которые нашли свое отражение в Принципах правительства и в высших постулатах родины»⁴⁰. Этот Институт был создан, чтобы «осуществлять теоретическое просвещение с целью формирования основ унитарного мышления, идентичности на основе критериев, которые будут вдохновлять будущие действия молодежи в русле поддержки данного режима»⁴¹.

Преследуемая ими цель состояла в укреплении нового общества, отошедшего от былого этатизма и основанного на неолиберальных принципах и индивидуализме. Диктатура была убеждена, что если не произойдет желанной социализации, то её реформы новой институциональности не имеют будущего. Тогдашний министр внутренних дел Серхио Фернандес заявлял: «Именно на борьбе с бедностью сконцентрированы наши усилия по построению минимального согласия, необходимого для

³⁸ Secretaría Nacional de la Mujer Amiga, No.23, noviembre de 1977, p.9.

³⁹ Boletín de la Secretaría Nacional de la Juventud, No.1, abril de 1975.

⁴⁰ Secretaría Nacional de la Mujer Amiga, No.4, mayo de 1976, p.16.

⁴¹ Boletín Secretaría Nacional de la Juventud, N.2, mayo de 1975.

движения вперед нашего режима, без чего нельзя создать прочные основы политической системы в будущем»⁴².

В 80-е годы Секретариаты утратили свою роль, так как новая институционность передала муниципалитетам ответственность по распространению новых политических принципов. Именно муниципалитеты теперь должны были внедрять неолиберализм в повседневность населения, занимаясь при этом социальными вопросами, то есть обеспечивая социальную помощь только тем, кто не может участвовать в рынке, будучи «экстремально бедным». Согласно данным диктатуры, эта категория бедняков достигала лишь 14% (1984). Остальное население, независимо от их доходов должны были сами индивидуально финансировать образование, здравоохранение, пенсии. Муниципалитет был обязан выделить сверхбедных и распределять им через Департамент социального развития субсидии на здравоохранение, школьное питание а через Фонд социальной помощи субсидии на жилье. Все это контролировались и распределялось муниципалитетами⁴³.

Муниципалитет был уполномочен запустить «демократию нового социального участия» на низовом, коммунальном уровне, что исключало участие политических партий, но предусматривало участие «функциональных» организаций (центры матерей, спортивные клубы и прочее) и территориальных объединений (советы соседей, соседские гражданские ассамблеи), чье руководство назначалось местным начальником, мэром. Цель состояла в новом определении демократии как социального участия, но не политико-партийного участия, а обсуждения прагматических задач. Конституция 1980 г. была направлена на окончательное укоренение свободного рынка и «защищенной» демократии, из которой исключались партии и идеологии антикапиталистического направления. В этом смысле «участие» должно было канализоваться через территориальные корпорации в каждой коммуне и концентрировать свою деятельность на тех областях, которые не могли решиться неолиберальными

⁴² Ministerio del Interior Actas del 5º. Congreso de Alcaldes, 1983, pp.73-74

⁴³ Valdivia, 2013.

методами и авторитарной властью, то есть исключительно на местных вопросах. Как говорил Серхио Фернандес, «цеха? гремиос? и местные организации – это то, что мы должны поддерживать»⁴⁴. Они были ключом новой фазы социализации.

Главными действующими лицами становились мэры, главы местного самоуправления, представлявшие Пиночета. От них требовалось «не сидеть в кабинетах, а работать на земле, среди населения, в школах, заниматься всеми проблемами, которые возникают в их юрисдикции»⁴⁵. Члены муниципалитетов были обязаны помогать функциональным и территориальным организациям в их работе с населением, обеспечить «здоровое» участие, отсекая партии от вмешательства в текущие проблемы. С этой целью была создана программа «муниципалитет в твоём районе» для организации взаимопомощи на местах и решения сугубо местных проблем. Мэры в содружестве с Институтом Диего Порталеса занимались пропагандистской работой внутри местных организаций в духе конституции 1980 г. В процессе ресоциализации была реализована попытка осуществить «муниципализацию политики»⁴⁶, целью которой было отвлечение людей от политических дебатов, которые оставались для экономической и политической элиты, освобожденной от социального давления снизу.

Военные диктатуры 70-х годов в Южном конусе Латинской Америки отличались высочайшим уровнем насилия, развязанного в рамках их войны с «подрывными» силами, террор стал их основным политическим инструментом. Чилийская диктатура оказалась способна в течение этого периода создать собственный политический и социальный проект. Все диктатуры этого региона показали себя как «переосновывающие? преобразовывающие» национальные государства, но чилийская диктатура смогла предложить и осуществить программу глобального изменения, которая перевернула все основы общества, реализо-

⁴⁴ Ministerio del Interior, Actas del 2º. Congreso de Alcaldes, 1980, p.43

⁴⁵ Ministerio del Interior, Actas del 6º. Congreso de Alcaldes, 1984, p.10

⁴⁶ Valdivia, Álvarez, Donoso, 2012.

вав на практике надежды военных на модернизацию и деполи-тизацию. С этой точки зрения чилийская диктатура смогла сочетать террор и реальную работу по созданию новой системы снизу. Эта особенность была обусловлена реальным противостоянием предыдущего периода между социализмом и капитализмом, которое затронуло самые широкие слои общества. Этот проект затронул социальные и индивидуальные параметры жизни чилийцев во всех её аспектах.

Чилийские военные ставили целью сделать из консенсуса императив. Диктатура стремилась не только показать, но и реально создать народную базу своей поддержки, и ей удалось связать частные интересы людей с политикой и судьбой диктатуры. Неолибералы и гремиалисты смогли убедить военных в необходимости сочетать в новой системе авторитаризм и неолиберализм с «защищенной» демократией. Это был путь пиночетизации, персонализации диктатуры и системы в лице Пиночета.

Понимая необходимость показать народную поддержку режима перед лицом обвинений в нарушениях прав человека, режим развернул стратегию идеологизации и кооптации, чтобы создать вокруг режима поле согласия с его политикой. С этой целью были созданы государственные органы Женский и Молодежный секретариаты во главе с гражданскими коллаборационистами. Главным в их деятельности было выкорчевывание всех демократических и либеральных привычек, навязывание самого темного антикоммунизма, социализации на основе индивидуалистических и неолиберальных ценностей. Диктатура была убеждена, что народную поддержку надо обязательно создавать. Оба эти секретариата работали в народных районах и пригородах. В 80-е годы эта политика перешла к муниципалитетам, которые должны были на практике осуществлять принцип субсидиарности государства, концентрируясь на социальной политике, отвергая какое-либо участие в ней политических партий, что стало этапом «муниципализации» политики. Эта политика имела некоторый успех и, хотя Пиночет проиграл плебисцит 1988 г., пиночетизм был готов выживать и в пост-диктаторский период.

Bibliografía / References

- Ahumada E.* et al. La memoria prohibida. Santiago: Pehuén, 1989.
- Álvarez R.* Desde las sombras. Una historia de la clandestinidad comunista en Chile (1973-980). Santiago: Lom, 2003.
- Brunner J.J.* La cultura autoritaria. Santiago: FLACSO, 1981.
- Calvo C.* El concepto de consenso y su aplicación al estudio del régimen franquista // Spagna Contemporánea. N° 7. 1995. P. 141-143.
- Campero G.* Los gremios empresariales. Santiago: Ilet, 1984
- Caviglia M.* Dictadura, vida cotidiana y clases medias. Una sociedad fracturada. Buenos Aires: Prometeo, 2006.
- Demasi C.* (et al). La dictadura cívico-militar. Uruguay 1973-1985. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2009.
- Donoso K.* Cultura y dictadura. Censuras, proyectos e institucionalidad, 1973-1989. Santiago: Ediciones Universidad Alberto Hurtado, 2019.
- Democracia, hora cero. Actores, políticas y debates en los inicios de la post dictadura / Feld, Claudia y Marina Franco (Directoras). Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2015.
- Geloch S. J.* Jóvenes y fascismo en Italia. La socialización de la juventud durante el veinteno fascista (1922-1943) // Jóvenes y dictaduras de entreguerras. Propaganda, doctrina y encuadramiento. Italia, Alemania, Japón, Portugal y España./ Joseph Geloch et al Lleida, España: Editorial Milenio, 2007. P. 20-21.
- Gellately R.* No sólo Hitler. Coerción y consenso en la Alemania nazi. Barcelona: Crítica, 2002.
- Garretón M.A.* El proceso político chileno. Santiago: Flacso, 1984
- Huneeus C.* El régimen de Pinochet. Santiago: Sudamericana, 2000.
- Lutz P.* Años de viento sucio. Santiago: Planeta, 1999.
- Lvovich D.* Dictadura y consenso ¿Qué podemos saber? // Puentes, N° 17, abril de 2006.
- Moulián T.* Chile actual. Anatomía de un mito. Santiago: Lom, 1997.
- Moulián T.* Conversación interrumpida con Allende. Santiago: Lom, 1998.
- Novarro M., Palermo V.* Historia Argentina. La dictadura militar,

- 1976-1983. Buenos Aires: Paidós, 2003.
- Power M.* La mujer de derecha. Poder femenino y la lucha contra Salvador Allende, 1964-1973. Santiago: Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2008;
- Las largas sombras de la dictadura / Pinto J. (Editor). Santiago: Lom, 2019.
- Pinto J.* ¿Y la historia les dio la razón? El MIR en dictadura, 1973-1981 // Valdívía V., Pinto J., Álvarez R. Su revolución contra nuestra revolución. Izquierdas y derechas en el Chile de Pinochet, 1973-1981. Santiago: Lom, 2006
- A construação social dos regimes autoritários / Rollenberg, Denise e Samantha Viz Quadrat (Orgs.). Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2010
- Seguel P.* La organización de la represión y de la inteligencia en la dictadura militar chilena. Del copamiento del territorio a la Dirección de Inteligencia Nacional: Región Metropolitana, 1973-1977 // Izquierdas, No.49, abril 2020, pp.767-796
- Valdés T. et al.* Centros de madres ¿solo disciplinamiento? 1973-1989. // Flacso, DT, No.416, 1989
- Valdívía V.* Antes do golpe. Anticomunismo e militarização política no Chile // Pensar as direitas na América Latina / Patto Sá Motta R., Bohoslavsky E. y Boisard S. (Organizadores). Sao Paulo: Editora Alameda, 2019. P.349-370
- Valdívía V. On the Way of Dictatorships. The Nationalism Right I Contemporary Chile // Bereginya. Vol. 26. No. 3, 2015. P. 256-271.
- Valdívía V.* Were Women and the Young People the Heart of the Pinochet Regimen? Rise and Decline of Secretariats // Hispanic American Historical Review. vol. 93. 2013. P.547-583
- Valdívía V., Álvarez R., Donoso K.* La alcaldización de la política. Los municipios en la dictadura pinochetista. Santiago: Lom, 2012
- Valdívía V.* ¡Estamos en guerra, señores! El régimen militar de Pinochet y el ‘pueblo’, 1973-1980 // Historia. № 43, vol. I. 2010. P. 163-201.
- Valdívía V.* Nacionales y gremialistas. El ‘parto’ de la nueva derecha política chilena, 1964-1973. Santiago: Lom, 2008.

Valdivia V. El golpe después del golpe. Leigh vs Pinochet (1960-1980). Santiago: Lom, 2003.

Varas A. La dinámica de la oposición durante la Unidad Popular. Santiago: Equitas, 2013

La transformación económica de Chile. / Vergara R., Larraín F. (Compiladores). Santiago: Centro de Estudios Públicos, 2000

Winn P. Por la razón o por la fuerza. Estados Unidos y Chile e América Latina en los años sesenta y setenta // Frágiles suturas. A treinta años del gobierno de Salvador Allende / Francisco Zapata (comp.) México: Colegio de México, 2006.